

Евгений Яблоков
(Москва)

АНАГРАММЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. А. БУЛГАКОВА

Рассмотрены встречающиеся в булгаковских текстах типы анаграммирования, которые использованы писателем при создании поэтонимов – имен персонажей. Материалом для анализа служат примеры из романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», повестей «Дьяволиада», «Роковые яйца» и «Собачье сердце», драмы «Бег», фельетонов и очерков Булгакова.

Ключевые слова: Булгаков, образ персонажа, поэтоним, анаграмма, прототипы.

Важное значение в поэтике Булгакова имеют различные формы языковой игры. Одним из средств ее реализации выступает анаграммирование (наряду с близкими в «техническом» отношении приемами, которые не всегда возможно охарактеризовать однозначно). Ниже мы прокомментируем ряд встречающихся в булгаковских произведениях анаграмм (в основном онимов). Следует отметить, что порождаемые ими подтекстные смыслы подчас неочевидны и требуют более или менее развернутых пояснений, которые позволяют глубже понять стратегию писателя, использовавшего данный художественный прием. Такие пояснения носят не столько лингвистический, сколько литературоведческий характер.

Для начала приведем несколько примеров, в которых анаграммирование служит одним из средств создания образа персонажа с опорой

на конкретный прототип, чей антропоним (либо иной оним, воспринимаемый как «знак» реального человека) используется для конструирования поэтонима.

Наиболее простой случай — эпизод повести «Роковые яйца», где упоминаются куплеты, «сочиненные поэтами Ардо и Аргуевым» [2, т. 2, с. 94]. Эти фамилии созданы «перекрестным» анаграммированием псевдонимов двух поэтов — Арго (А. М. Гольденберга) и Адуева (Н. А. Рабиновича), которые с 1917 года работали вместе¹. «Элементарность» приема обусловлена памфлетным характером повести и стремлением Булгакова не слишком маскировать прототипы, оставив их узнаваемыми для читателя. Такой же пример находим в романе «Белая гвардия»: в фамилиях членов «поэтического ордена “Магнитный Триолет”» Слоных и Черемшина [2, т. 1, с. 171] контаминированы фамилии литературоведа-пушкиниста (впоследствии писателя) А. Л. Слонимского и художника-графика (создателя «Окон РОСТА») М. М. Черемных.

Несколько более сложное явление — фигурирующая в той же (шестой) главе «Роковых яиц» фамилия драматурга *Эрендорф*, чья пьеса «Куриный дох» [2, т. 2, с. 94] идет в одном из театров. Обратим внимание на фонетическое сходство заглавия этого «злбодневного» произведения и фамилии его автора — «вместе» они восходят к *двум* источникам: повести-памфлету В. П. Катаева «Остров Эрендорф» (1924) и фамилии модного в начале 1920-х годов И. Г. Эренбурга. В катаевском памфлете Эренбург служит объектом пародии, причем каламбурная фамилия *Эрендорф* создана путем замены немецкого корня: *burg* «город» на *dorf* — «деревня»² (характерно, что в повести антропоним становится также топонимом, названием острова). Вот колоритное описание персонажа:

Прибывшие заняли четыре лучших номера в миллиардерском флигеле фешенебельного отеля «Хулио Хурениго», который принадлежал, как и все, впрочем, в окружности на сто километров, господину Эрендорфу, самому влиятельному, популярному и знаменитому романисту земного шара. <...>

¹ Незадолго до написания повести Арго и Адуев оказались участниками театрального скандала, связанного с несостоявшейся постановкой оперетты Ш. Лекока «Зеленый остров»; эта история, судя по всему, сыграла роль в возникновении булгаковского фельетона «Багровый остров» [20, с. 185–186].

² Такой же прием использован в «Белой гвардии», где прототипом эпизодического персонажа Б. Фридмана [2, т. 1, с. 174] считается художник Б. Р. Эрдман (брат драматурга Н. Р. Эрдмана): «конструируя» поэтоним, Булгаков заменил немецкий корень *erde* («Земля, земной шар») на *frieden* — «мир» (покой).

Мистер Эрендорф лежал в полотняном шезлонге, задрал ноги на мраморный парапет террасы. Издали казалось, что его красные башмаки лежат непосредственно в фиолетовом Средиземном море. Он ковырял в зубах иглой дикобраза и, покручивая черные усики, наскоро расправлялся с Австралией. С Африкой он расправился лет двадцать тому назад, написав роман «Гибель Африки». Северная и Южная Америки, а также Азия и полюсы были уничтожены в конце прошлого века. Что же касается Европы, то ее гибель, собственно говоря, и явилась началом благополучия этого цветущего юноши средних лет.

Надо объяснить, что Эрендорфу было от ста двадцати до ста сорока лет, но не больше. Возраст не слишком старый, если принять в расчет, что каждые двадцать лет он регулярно омолаживался в лучших американских фирмах.

Итак, Эрендорф в данный момент расправлялся с Австралией.

Он диктовал в радиотиподиктофон двенадцатую главу нового романа, которая называлась так: «Глава двенадцатая, в которой великий учитель Хара-Хири из двух больших разниц выбирает третью побольше».

Он диктовал, и одновременно шестьдесят четыре типографии в разных частях света автоматически набирали на разных языках гранки нового сенсационного романа [7, с. 169—170].

Не станем подробно пояснять, какие произведения Эренбурга (помимо упоминаемой книги «Необычайные похождения Хулио Хуренито...», 1922) пародируются в этом отрывке. Ограничимся существенным для нашей темы выводом, что в «Роковых яйцах» оним *Эрендорг* представляет собой сложную анаграмму: «перемешаны» фамилия персонажа катаевской повести и фамилия его реального прототипа.

Однако есть еще один любопытный момент. Судя по всему, автор «Роковых яиц» осознавал этимологию фамилии *Эренбург*, первая часть которой восходит к нем. *Ehre* «честь, почет». Недаром в сконструированном Булгаковым поэтониме *Эрендорг* вторая часть — анаграмма корня «горд-».

Следующий пример связан с романом «Белая гвардия» и касается персонажа, необычная фамилия которого до настоящего времени не получила удовлетворительного объяснения, исходя из художественной системы произведения, — имеется в виду полковник Феликс Феликсович *Най-Турс*.

Прежде чем обратиться к фамилии как таковой, отметим, что данный персонаж, трактуемый обычно как «светлый рыцарь» (вспомним «райский» сон Алексея Турбина³ [2, т. 1, с. 100]), имеет явного антипода — демонического (хотя не без карикатурности) «губителя» Шпо-

³ «Историческим» прототипом Най-Турса считается герой обороны Киева от войск УНР генерал от кавалерии граф Ф. А. Келлер [13, с. 142].

льянского. Вместе с тем привлекают внимание черты парадоксального *сходства* между ними. Они введены в действие непосредственно друг за другом (конец 9-й — начало 10-й глав) и наделены одинаковыми деталями: Шполянский — «черный и бритый», «получивший... Георгиевский крест» [2, т. 1, с. 170]; Най-Турс — «черный, гладко выбритый», «с вытертой георгиевской ленточкой» [2, т. 1, с. 180]. Шполянскому «дано» имя персонажа «Мертвых душ» Собакевича — Михаил Семенович [2, т. 1, с. 170], а Най-Турс похож на него внешне: Собакевич «шеей не ворочал вовсе и из-за этого редко глядел на того человека, с которым разговаривал» [4, т. 6, с. 95], у Най-Турса «после ранения... сведена шея, и в случае необходимости посмотреть вбок он поворачивался всем корпусом» [2, т. 1, с. 180]. В пандан травестийной inferнальности Шполянского в Най-Турсе есть нечто демоническое: он прихрамывает [2, т. 1, с. 180], у него, как у Вия⁴, «железное лицо» [2, т. 1, с. 316], и Николка в анатомическом театре видит погибшего Ная в «компании» прекрасной мертвой «ведьмы» [2, т. 1, с. 320].

Сходство антиподов в данном случае обусловлено литературной топикой романа: они связаны с общим прототипом — В. Б. Шкловским.

«История» образа булгаковского Шполянского общеизвестна и не требует пространных разъяснений. Фамилия являет пример если не «ложной», то, во всяком случае, «неточной» прототипизации, указывая на поэта-сатириконца А. П. Шполянского⁵, писавшего под псевдонимом Дон-Аминадо [11, с. 228]. В 1918 году, когда происходит действие булгаковского романа, Шполянский находился в Киеве и печатался, в частности, в газете «Чертова перечница» (в «Белой гвардии» фигурирует как «Чертова кукла» [2, т. 1, с. 65]), однако у него нет ничего (кроме фамилии) общего с вездесущим булгаковским Шполянским; правда, последний тоже пишет стихи, но их название «Капли Сатурна» [2, т. 1, с. 171] не ассоциируется с сатирическим жанром.

«Действительным» прототипом персонажа «Белой гвардии», как известно, послужил Шкловский [6, с. 32] — эпизод, где Шполянский устраивает диверсию, насыпая сахар в бензобаки броневиков [2, т. 1, с. 177–178], навеян вышедшей в 1923 году книгой Шкловского «Сентиментальное путешествие» [18, с. 165]. Булгаков, в декабре 1918 году

⁴ «С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное» [4, т. 2, с. 217].

⁵ Ввиду участия Шполянского в поэтическом сборнике «фантомистов-футуристов» [2, т. 1, с. 174], а также тесных отношений Шкловского с «реальными» футуристами, заслуживает внимания и другая «анаграмматическая» гипотеза: высказано предположение, что имена «парных» персонажей «Белой гвардии» Михаила Семеновича Шполянского и Юлии образованы из имен двух украинских футуристов — Михайля Семенко и Юлиана Шпола [12, с. 149].

принимавший участие в обороне Киева от петлюровцев, прочитав эту книгу и обнаружив в авторе одного из виновников киевской катастрофы, создал карикатуру на него. Ясен и механизм «замещения»: фамилии Шполянский и Шкловский сходны по звучанию и словообразовательной модели (Шпола — город в Черкасской обл. Украины / Шклов — город в Могилевской обл. Беларуси).

Однако наряду с «Сентиментальным путешествием» в поле зрения Булгакова оказалась вышедшая в том же 1923 году книга Шкловского «Шахматный ход». В «Белой гвардии» шахматная топика (восходящая, в частности, к «Воине и миру») имеет существенное значение. Само заглавие романа звучит как «шахматная» метафора (хотя «белым» здесь противостоят не столько «черные», сколько «серые» [2, т. 1, с. 85]); петлюровцы охарактеризованы как «третья сила на громадной шахматной доске» [2, т. 1, с. 89]; да и ряд других деталей вызывает соответствующие ассоциации — например, мать Турбиных названа «светлой королевой» [2, т. 1, с. 33], а немецкие солдаты в шлемах «тазах» сравниваются с пешками [2, т. 1, с. 89]⁶.

Метафорическое заглавие книги Шкловского отражало зигзаги его биографии и политических пристрастий. В предисловии автор (имея в виду себя) заявляет: «Конь ходит боком» [17, с. 74], — но при этом поясняет: «...не думайте, что ход коня — ход труса. / Я не трус» [17, с. 75]. «Для наглядности» тут же изображена шахматная доска, где пунктиром показано несколько последовательных ходов данной фигуры [17, с. 74]. Диаграмма закономерно ассоциируется с известной шахматной задачей о коне, который должен обойти все клетки доски так, чтобы на каждой побывать только один раз. По-английски задача называется *Knight's move* или *Knight's tour* — именно из последнего словосочетания, фонетически «смешанного» с самохарактеристикой Шкловского «не трус», образована фамилия Най-Турс⁷: перед нами пример «классической» анаграммы⁸.

⁶ Образ «политических» шахмат еще очевиднее в романе «Мастер и Маргарита», где проигранная Бегемотом партия выглядит как инсценировка некоей исторической коллизии с намеком на сюжет «самозванства»: «Белый король... стащил с себя мантию, бросил ее на клетку и убежал с доски. Офицер брошенное королевское одеяние накинул на себя и занял место короля» [2, т. 7, с. 313]. Характерно, что в обоих романах вместо названия шахматной фигуры «слон» употребляется звучащее более «жизненно» слово «офицер».

⁷ При этом английское именование фигуры — *knight* (рыцарь, всадник) по внутренней форме вполне соответствует образу полковника-гусара [2, т. 1, с. 180], «рыцаря» белой идеи.

⁸ Среди булгаковских поэтонимов, образованных чисто анаграмматическим способом, можно отметить имя роковой соблазнительницы Низы, замани-

Обратимся теперь к драме «Бег». Вначале упомянем анаграмму, замеченную сразу после появления этого произведения. Композитор И. А. Сац присутствовал при разговоре Булгакова с А. В. Луначарским, во время которого нарком журил драматурга: «...думаете, никто не понял, что спутником Серафимы в пьесе вы изобразили себя? Я разгадал: Голубков — анаграмма фамилии Булгаков, как моя Луначарский — от Чарнолусский» [8, с. 436]. Думается, суждение справедливо — автобиографизм образа Голубкова подкреплён и другими деталями: ему 29 лет, он «сын профессора-идеалиста» [2, т. 4, с. 281]: Булгаков, сын профессора Духовной академии (разумеется, «идеалиста»), был точно такого же возраста в 1920 году, когда происходит действие драмы.

Однако куда больший интерес представляет другой пример, который в отличие от предыдущих не связан с прототипизацией, а касается непосредственно системы персонажей «Бега». «Анаграмматически» отношения здесь связаны два онима, один из которых — фамилия генерала, *Чарнота*, другой — кличка таракана: *Янычар*. Персонажи, соответственно, находятся в отношениях антидвойничества, хотя в этом смысле данная «пара» не уникальна. Энтомоморфная топика является важным элементом поэтики «Бега», поэтому все «бегущие» в той или иной степени подобны тараканам. Гротескный образ тараканьих бегов [2, т. 4, с. 338] своеобразно пародирует эмиграцию, причем энтомоморфный мотив подкреплён мифологемой «Исхода» — недаром в репликах Хлудова цитаты из Библии (Исх 15:9–10) соседствуют с детским воспоминанием о тараканах на кухне [2, т. 4, с. 329–330].

«Родовые» имена персонажа — Лукьянович и Чарнота — взаимно «контрастны»: отчество⁹ ассоциируется с лат. *lux*¹⁰ «свет»; в фамилии, напротив, реализован образ тьмы. Характерно, что Люська называет

вающей Иуду в Гефсиманский сад, где его поджидают убийцы. Ее имя выглядит как анаграмма имени Зина, которое встречается в дневниковой записи Булгакова 28 декабря 1924 года («зубная врачиха Зинушка» [2, т. 2, с. 453] и, кроме того, в очерке «Московские сцены» [2, т. 3, с. 171]: здесь образ героини — аллюзия на приятельницу Булгакова З. В. Коморскую (за которой, как утверждала первая жена писателя Т. Н. Кисельгоф, он ухаживал). Отметим, что ассоциация имени Низа со словом «низ» привносит сему моральной оценки.

⁹ Имя *Лукьян* восходит к лат. *Lucianus* < *Lucius*.

¹⁰ «Анаграммой» того же слова выглядит имя «походной жены» генерала — Люськи. Что касается главной героини, Серафимы, имя связывает ее с «огненными ангелами», актуализируя как сакральные, так и inferнальные коннотации [20, с. 125–126].

Чарноту Гри-Гри¹¹ [2, т. 4, с. 290]: «игровая» форма имени Григорий напоминает *фр. gris* 'серый'. И если в семи снах из восьми (включая визит к Корзухину в Париже) Чарнота одет в черкеску (разумеется, черную), то из Парижа он и Голубков приезжают в одинаковых серых костюмах [2, т. 4, с. 377]. Чарнота «переходит» к серому от черного, Голубков — от белого цвета.

В афише пьесы отмечено, что Чарнота — «запорожец по происхождению» [2, т. 4, с. 281]. Одна из традиционных «черт» запорожцев — конфронтация с турками (вспомним хотя бы знаменитую картину И. Е. Репина). Булгаковский «запорожец» Чарнота остается в Стамбуле в добровольном «плену», словно поступает на службу, причем именно в качестве «янычара» — созданные в XIV веке янычарские полки составлялись не из турок, а из юношей-христиан (дети, забранные из семей, воспитывались в исламской традиции и становились воинами).

Вместе с тем полное имя булгаковского персонажа тождественно имени Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского¹², более известно как Малюта Скуратов. Примечательно, что российские историки видели в опричниках отечественный «эквивалент» янычарского войска. Так, статья «Опричнина» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона начинается фразой: «Этим именем назывался... отряд телохранителей, наподобие турецких янычар, набранный Иоанном Грозным» [19, с. 45].

Впрочем, Чарнота обретает «янычарские» черты отнюдь не в романтически-брутальном, а в пошло «сниженном» изводе. Пародийным «предводителем янычар» в пьесе выступает «тараканий царь» Артур Артурович [2, т. 4, с. 282]: он владеет «вертушкой»¹³ с тараканьими бегами, и именно ему «сдается» в итоге «рядовой — генерал Чарнота» [2, т. 4, с. 381]. Власть над насекомыми уподобляет Артура «князю бесов» (Мф 10:25; 12:24, 27) Вельзевулу, чье имя традиционно возводится к имени ветхозаветного бога Ваал-Зебуба — «повелителя мух» [9, т. 1, с. 229]. Характерно, что Чарнота в итоге именуется Вечным Жидом [2, т. 4, с. 381], в то время как еврей Артурка представляется

¹¹ *Гри-гри* — талисманы и снадобья туземных африканских племен [1, с. 491]; такая ассоциация усиливает «интернациональность» Чарноты, навеки приверженного Стамбулу-«Вавилону».

¹² Хотя по внутренней форме оним Чарнота «контрастен» фамилии предводителя опричников.

¹³ «Вертушка» — пародия на круглый стол короля Артура; соответственно, приверженцы тараканьих бегов оказываются его «рыцарями» (кстати, Булгаков первоначально хотел назвать пьесу «Рыцари Серафимы»).

«венгерцем» [2, т. 4, с. 342]: фактически у них обоих общая («никакая») национальность. Таким образом, анаграмма *Чарнота / Янычар* обретает глубокую внутреннюю мотивировку.

По контрасту с предыдущими случаями приведем пример, так сказать, «ложной» анаграммы. Используя различные формы словесной игры, Булгаков подчас делает ее «многослойной», маскируя релевантные ассоциации и заставляя читателя двигаться неверным путем (вспомним пример со Шполянским¹⁴). Подобный случай встречаем в повести «Собачье сердце»: имеются в виду «пролаянные» бывшим псом Шариком слова «Абыр-валг», которые, согласно записи Борменталья, расшифрованы Преображенским как анаграмма вывески «Главрыба» [2, т. 2, с. 201]. Такая «версия» вполне соответствует теме нашей статьи — но, судя по всему, истинный смысл реплики героя значительно глубже.

Подчеркнем, что первое слово «Абыр» произнесено «в 12 часов 12 минут дня» 31 декабря [2, т. 2, с. 200] — такое нагнетание «пороговых» знаков делает его культурно отмеченным. Едва обретя способность говорить, булгаковский персонаж «воззвал к Отцу»: слово *abir* в иврите означает «Бог» — например, ветхозаветные выражения «*'abir ja'ăkob*» (Быт 49:24; Пс. 131:2, 5) и «*'abir jîsrâël*» (Исх 1:24) в большинстве переводов Библии (не только на русский язык) трактуются как «сильный, мощный бог Иакова (Израиля)» [9, т. 1, с. 472]. Что касается второй части реплики — «валг» — фонетически сходный ивритский корень *-(b)vlgn-* имеет значение «неразбериха, хаос». Таким образом, первые слова будущего Шарикова — «бог-хаос»; с учетом «адского» кавардака, который этот персонаж принесет в профессорскую квартиру, можно считать их самохарактеристикой, «самопредставлением».

Впрочем, версия о «Главрыбе» сама по себе тоже стимулирует трагически-сакральные ассоциации, заставляя вспомнить о «рыбной» метафорике Иисуса Христа: образы Преображенского и Шарикова связаны с мифологемами Бога-отца и Бога-сына [3, с. 96].

¹⁴ Из того же ряда фамилия персонажа «Белой гвардии» Шервинского, которая в 1920-х годах в литературной среде воспринималась как «памфлетная», ассоциируясь с поэтом и переводчиком С. В. Шервинским и его отцом, известным московским врачом В. Д. Шервинским. Ни тот ни другой не являются прототипами булгаковского улана: поэтоним имеет литературное происхождение и восходит к роману Ю. Л. Слезкина «Ольга Орг» (1914), где соблазнителя главной героини, пародийного «демона», зовут Владеком Ширвинским; Булгаков, очевидно, ради ассоциаций с червонной («сердечной») карточной мастью заменил «и» на «е», вследствие чего возник намек на конкретных людей. Кстати, С. В. Шервинский просил автора «Белой гвардии» изменить фамилию персонажа, однако Булгаков отказался это сделать [16, с. 316].

Наконец, рассмотрим пример если не прямо анаграмматический, то, во всяком случае, имеющий отношение к нашей теме. Речь идет о центральной коллизии повести «Дьяволиада» (1923), где злключения Короткова начались с того, что фамилию нового начальника — Кальсонер — он принял за нарицательное «кальсоны» [2, т. 2, с. 13, 16]; в дальнейшем выясняется, что у Кальсонера имеется еще брат-близнец — в итоге неразбериха приводит Короткова к гибели.

Судя по всему, эти фабульные мотивы представляют собой «реализацию» графически-анаграмматических игр. Суффикс *-er* омофоничен старому названию буквы «ъ». Соответственно, фамилия Кальсонер может каламбурно читаться как Кальсонъ¹⁵. Коротков принимает заключительные буквы (или букву?) подписи Кальсонера за сходную — «ы», которая в старом алфавите именовалась «еры»¹⁶; с учетом этого слово «кальсоны» эквивалентно «Кальсонеры»: отсюда и «возникают» братья-близнецы, которые «в совокупности» суть не что иное, как «персонификация» *кальсон*¹⁷.

Для нашей темы немаловажно, что эта фамилия возникла путем анаграмматической «обработки» имен прототипов (в данном случае нескольких). Общеизвестно, что в «Дьяволиаде» отразились впечатления Булгакова от недолгой (октябрь-ноябрь 1921 года) службы в качестве секретаря Лито Главполитпросвета при Наркомпросе. До конца мая 1921 года должность начальника административного управления Наркомпроса занимал Б. А. Плюснин-Кронин, а его заместителем являлся М. С. Невельсон¹⁸. С 31 мая Невельсон стал начальником этого

¹⁵ В русский язык слово *кальсоны* перешло, видимо, в середине XIX века из польского, а туда — из французского *caleçon* [15, с. 371].

¹⁶ Это название отражено, например, в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [14, с. 337].

¹⁷ Игра подкрепляется либертиажными деталями: у встреченного Коротковым «первого» Кальсонера голова представляет собой «точную гигантскую модель яйца», при этом он крайне маленького роста — «достигал высокому Короткову только до талии» [2, т. 2, с. 11]. У «второго» Кальсонера яйцеобразная голова украшена «длинной ассирийско-гофрированной бородой» [2, т. 2, с. 20] — закономерны ассоциации с Черномором из «Руслана и Людмилы» (соответственно, с эротическими мотивами пушкинской поэмы [5]). Характерно, что парные «кальсонные» персонажи, как явствует из подзаголовка «Дьяволиады», «погубили делопроизводителя» [2, т. 2, с. 5]. Спустя примерно год после «Дьяволиады» сходные мотивы будут реализованы в повести «Рокочные яйца».

¹⁸ Кстати, Невельсон был зятем Л. Д. Троцкого, мужем его дочери Нины. Учитывая внимание (скорее недоброжелательное), с каким Булгаков относился к Троцкому, логично предположить, что и личность его родственника вызывала у писателя определенный интерес (в судьбе самого Невельсона родство с Троцким впоследствии сыграет роковую роль).

управления — Плюснин-Кронин перешел на другую должность, а 11 октября был назначен заместителем начальника организационного управления [10, с. 1]. Два этих человека руководили административной деятельностью Наркомпроса и вместе с замнаркома Е. А. Литкенсом подписывали приказы и распоряжения, часть которых «спускалась» секретарю Лито Булгакову по должности. Неудивительно, если фамилии начальников отложились в памяти писателя и из их «синтеза» возникла фамилия персонажа «Дьяволиады»¹⁹.

Приведенные примеры убеждают в том, что анаграммы в произведениях Булгакова довольно многочисленны и неоднородны в структурном отношении. В своем обзоре мы не стремились отразить это явление с максимальной полнотой; важнее было показать разнообразие булгаковских анаграмм. Думается, что исследователь, пожелавший продолжить тему, обнаружит для себя еще немало интересного материала.

Список литературы

1. *Амфитеатров А. В.* Собр. соч. : в 10 т. М., 2000. Т. 1.
2. *Булгаков М. А.* Собр. соч. : в 8 т. М., 2007 — 2011.
3. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. М., 1994.
4. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937 — 1952.
5. *Жаккар Ж.-Ф.* Между «до» и «после»: Эротический элемент в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX в.). М., 1999. С. 712 — 736.
6. *Каверин В. А.* Эпилог. М., 1997.
7. *Катаев В. П.* Собр. соч. : в 10 т. М., 1983. Т. 2.
8. *Лакишин В. Я.* Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М., 1989.
9. *Мифы народов мира* : в 2 т. М., 1991 — 1992.
10. *Наркомпрос*: Бюллетень официальных распоряжений и сообщений. 1921. №47. 23 октября.
11. *Петровский М. С.* Мастер и Город. Киев, 2001.
12. *Сулима М.* Два этюды // Collegium. Киев, 1995. №1 — 2. С. 148 — 150.
13. *Тинченко Я.* Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев ; Львов, 1997.
14. Толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2001. Т. 1.

¹⁹ Отметим также фамилию *Собельсон*, которую носил коминтерновский деятель и партийный публицист, более известный как Карл Радек. В 1923 году, когда создавалась «Дьяволиада», о нем нередко писали в газетах в связи с событиями в Германии (где Радек пытался организовать революцию); он упоминается в дневнике Булгакова 18 сентября 1923 г. [2, т. 2, с. 416]. Сочетание *Кароль Собельсон* «анаграмматически» созвучно фамилии близнецов из «Дьяволиады».

15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. 3-е изд. М., 1999. Т. 1.
16. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.
17. Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М., 1990.
18. Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...» М., 2002.
19. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб., 1897. Т. 22.
20. Яблоков Е. А. Хор солистов: Проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. СПб., 2014.

Evgeny Yablokov

ANAGRAMS IN M. A. BULGAKOV'S WORKS

This article considers the types of anagrams used by Bulgakov in creating the names of characters. The analysis is based on the novels The White Guard, The Master and Margarita, The Fatal Eggs, Diaboliada, and Heart of a Dog, the play Flight, and various satirical articles and essays.

Key words: *Bulgakov, image of character, name of character, anagram, prototype.*